

Наша маленькая компания собирается не чаще одного-двух раз в неделю. Надо бы чаще, да все дела, заботы, семьи. Зато, когда мы здесь, то оттягиваемся по самой полной программе. Что в нее фходит? А все, что называется неформальным общением. Выпивка, закуска и, разумеется секс.

В этот раз мы сидели на кухне и слушали «Русский шансон». За окном светило солнышко. Чайник еще не закипел, водки оставалось на донышке, а Ленка все смотрела на бегущую строку рекламы на доме напротив. Смотрела, смотрела словно загнипнотизированная.

«Не загнипнотизированная, а пьяная», — подумалось мне вдруг. Ей сегодня предстояло впервые отдать свое тело на глазах у собственного мужа, но пока никто не собирался тащить ее в постель.

Вообще Петька, приведший свою жену, был большой оригинал. Он закончил какое-то балетное училище, играл на клавишах, в армии он попал в одну из горячих точек и вернулся оттуда без яиц. Свой дембель Петька встретил в госпитале. Разумеется, официальной войны у нас не было, и со справкой «несчастный случай» его вытурили на гражданку. На операцию по протезированию у Петьки денег не было, а остатки эрекции появлялись у него только тогда, когда кто-нибудь в его присутствии трахал женщину, мужчину или его самого!

«Бедная Ленка» — подумала я, что бы они вообще без нас делали? Не засыхать же бабе при живом муже во цвете лет?

При этом голубым Петька себя не считал, и подставлял свое очко только тогда, когда была возможность сразу после этого почувствовать себя мужчиной. Его жена, пока он служил, наставила ему с нашей компанией большие и ветвистые рога, а когда он вернулся с ранением, сама ввела его в наш узкий круг.

Где, как не у нас, он имел возможность поиметь не только свою жену, но и других вкусных женщин. Хорошо, веселились дамы, с ним можно без резинки трахаться. Залететь нельзя, яиц то нет!

Голубой на свинге

Ваську, своего голубого партнера и Марию Петька пару раз приводил к нам, А Мария, жена этого пидора, с тех пор зависала с нами регулярно. Нас Васька называл «натуралами», а мы ничего не имели против его голубизны, лишь бы дальше не заходил. Пока все пили водку, Петька уединился в месте с ним ванной, а Мария, как ни в чем не бывало, пила ликер и спрашивала, как и сколько раз мы все встречаемся.

Ковра мы голубой паре не дали: кому охота глазеть, как трахаются мужики!

Вышли они из ванной с сияющими лицами, и стали смотреть, как мы жену голубого раскладываем на одеяле. Голубой просто мило улыбался, обвораживая нас черными глазами, а Петька, получив заряд бодрости, полез на полупьяную жену голубого.

— Нет, не надо... — тихо просила Мария — Я сама разденусь... Отвернись...

— В нашей компании отворачиваться не принято! — развеселились все.

— Ну хоть закройте глаза, — взмолилась она.

— Зачем? Все равно, мы здесь как одна семья!

— Повеселись, дорогая — говорил голубой, глядя на то, как его жена стесняется раздеваться.

— Я понимаю, что тебе надо пообщаться с натуралами!

Мария, после того раза приходила к нам часто и всегда приносила от мужа в подарок бутылку водки. Она уже давно смирилась с ориентацией мужа, их семья, кроме постели, можно считать идеальной. Иногда, крайне редко, чаще в качестве подарка к празднику он пользовал ее так же, как и своих мужчин, но делал это неохотно, представляя на ее месте своих любовников. С Ленкой она подружилась. Мария прекрасно знала, чем в ее отсутствие занимается любимый муж, а изменить ему с женщиной она считала своим долгом, хотя предпочитала мужчин.

— Что делать, говорила она Ленке, когда мужская компания выдыхалась, покажем им класс! Девушки включали музыку и принимались исполнять на ковре такой великолепный дуэт, что мужики вновь заводились.

— Вася, пойдем, начнем, пока эти обжоры бутырброды дожевывают! — она потащила Васю на ковер в гостиной.

Лекарство от боли

Мы прислушивались к тому, что происходило в гостиной, а Петька пошел смотреть.

— Так сразу... Я не могу...

— Давай я помогу тебе. — Мария возбудила Ваську ртом, уселась на него верхом и достаточно быстро кончила с криками стонами.

— Ну, тогда подожди немного...

— Я не могу ждать. Я сгораю от нетерпения.

Потом все долго искали ее колготки и трусы, которые она черт знает куда зашвырнула, а когда нашли.

Петька сидел на корточках, ласкал свой член и смеялся: от зрелища началась эрекция и Мария занялась им. Другие, глядя на них, пили, мастурбировали, будоража измочаленную плоть для нового захода.

— У меня от вас, мужиков, голова болит.

Уже первые прикосновения Петькиных рук сняли всю ее боль. Мы смотрим, как его руки мнут плечи, спину.

— Как хорошо, — стонет Мария.

Он попросил ее перевернуться, погладил спелые груди, а его губы мягко касаются женского живота. Она расслабилась на ковре, приоткрыла глаза.

— Попробуем новый цикл процедур, — с этими словами Петька перевернул ее на живот, приподнимает бедра, гладит ягодицы.

Мария встала на четвереньки. Крепко ухватив ее за бедра, он подтягивает ее назад, буквально насаживая на себя. Вошел — сразу и до конца.

— Я почти здорова! — застонала Мария от удовольствия.

Тяжело дыша, Петька вытащил дряхлеющее, влажное оружие, и держа его в руке, словно некий вынесенный изгорающего храма общенациональный трофей, поплелся на кухню, схватил на бутылку и, прямо из горлышка, начал жадно пить.

Генка, парень лет тридцати, с которым я познакомилась во время игры в теннис и ввела в нашу компанию, внезапно упал перед разверстым лоном девушки на колени и принялся с чмоканьем вылизывать промежность, вздрагивая и задыхаясь. Потом, почти в прыжке, вогнал в нее свой инструмент и начал безумный танец, задирая почти ей на грудь правое колено и толкая так, словно хотел распороть живот. Она выла и хрипела, и я недоумевала, как в этой грудной клетке, казавшейся совсем субтильной, умещалась такая сила, и неожиданно

понял, что эти скоты всем стадом довели ее до самого озверелого оргазма.

Оргия

— Расстегни мне платье, — Наташа и повернулась к Гене спиной.

— Изволь, — ответил он и провёл блестящий замочек вниз, так что, когда натянутый материал платья разошёлся в стороны, обнажились плечи, гладкая кожа спины и кусочек чёрного шёлка, там, чуть ниже ямочек на пояснице. После этого он встал и подхватил её на руки. Она обняла его за шею и нежно поцеловала в рот, и пока он нёс её в спальню она сосала его язык.

Дальше было как на войне, только в отличие от войны на нашем поле брани никто не умер. Просто мужчины устали как черти, а мы, женщины все не унимались.

— Продолжай! — Мария встала обошла вокруг дивана, распахнула халат, и села лицом ко мне на колени прямо над головой Юрки. Ее кисонька оказалась прямо над его ртом. Он высунул язык и начал лизать ее. Наташа смотрела на нее. Ствол Петьки под моей рукой стал подергиваться, Света взяла меня за руку и потянула ее к своей груди. Садись на него — сказала она. Наташа перекинула ногу через Петьку, так что бордовая головка его члена чуть показывалась между моих ног. Юрка застонал.

— Не двигайся — сказала мне Света. Она прижала мои руки к соскам своей груди и начала ими тереть по ней, она была уже вся мокрая. Наташа стала гладить ее сосочки. Через секунду мои соски превратились в маленькие бугорки, а между ног стало влажно.

— Сильней! — Наташа стала потихоньку двигаться по Генке, и это было гораздо приятнее чем делать это рукой. — Ну что ты, трахни меня, задвинь его сильней...

Наташа с интересом смотрела между своих ног и видела как, то появляется, то исчезает, огромный мужской поршень. Тут Света опять застонала. Мария посмотрела на Юрку ласкающего Свету, и чуть не потеряла сознание от желания чтобы оказаться на ее месте. Тут Света встала, взяла меня под мышки подняла и посадила на голову Гены. Его язык прошелся по всей моей штучке. Наташа не видела что делает Света, но Наташа ни чего не видела. От удовольствия меня колотило. Наташа посмотрела вниз Юрка лежал с закрытыми глазами. Тут Света опять подняла меня и повернула назад, и Наташа оказалась сидящей на лице Юрка также как до этого сидела она. Юрка застонал подо мной, и стал буквально всовывать язык в мою щелку. Света. При этом ноги мои раздвинулись и все, кто мог, увидели как Юрка лижет дырочку моей попы. Юрка уже не лизал меня, он дергался и стонал, пока Масыня ласкала его ствол своим длинным язычком.

Впрочем, белый флаг выкинул Юрка первым. Загнанный Масыней до полусмерти, весь в испарине, он зажал рукой свое мужское сокровище и бодался с Ленкой, старавшейся этим сокровищем завладеть. В то же время сзади Ленку окучивал секс-марафонец Витька, а Женька в который раз уже брал высоту под названием Мария. Силы были неравные. Последняя атака захлебывалась — с каждым новым его «пли!» высота делалась все более неприступной.

Когда все утихомирились, мы разлили по рюмкам последнюю водку и жажнули «за прекрасных дам». И именно в этот момент в квартиру ввалился Васька. Голубой нимб над его челом так и сиял. Видно было, что он тоже не терял даром время. Он был весел, но где-то в глубине его умных глаз залегла грусть.

— Ребята, тут у меня для вас бутылка! — сказал он и поставил на стол сверток. Как говорил поэт: «за далью — даль, за болью — боль. За алкоголем — алкоголь». Ведь как ни крути, а

ничего постоянного нет. Мы стареем, стираясь от одиночества...

В этот раз мы хорошо посидели, попили, полюбили.

Поминки

А сегодня, когда мы собрались Лена пришла в траурном черном платье сказала, что Петька умер. И, оказывается, в том, что он умер, виноваты мы все.

— Это почему же? — спросила Масяня.

— Потому что мы все его кормили, поили водкой, а у него вирусный гепатит и водка было категорически противопоказана, так что мы его убили!

Мы откупорили бутылку и выпили за упокой его души, потом пришел Женька, и над столом снова ожил дух пиршества. Зазвенели рюмки, застучали по тарелкам вилки. Чинно, солидно, будто никакой смерти и в помине не было.

«Покойным легкого лежания, — сказал Гена, — а живым радости жизни. Все там будем».

— Ну, ты прямо поэт, расплакалась Ленка, даже поцеловала Гену. Он расплылся в блаженной улыбке.

— У нас не слишком ли грустно? — переспросил он.

— Ни капельки не грустно, а очень-очень по-русски, — сказала Масяня.

И конечно же следующий тост был «За оптимистический конец и за нежное женское начало!» А день потихоньку сворачивался, и мы снова медленно напивались.

Витька с ней не согласился, он сказал, что Петьку убили чеченские боевики, а Мария пошла еще дальше — он заявила, что во всем виноваты политики, которые гонят мальчишек на войну, как скот на убой.

От этих слов у Ленки началась истерика. Она кричала, что, кроме Петьки, никого не любила, что ненавидит эту страну, что ненавидит всех нас, дармоедов, которые прожигают жизнь, когда другие гибнут на войне. Она бушевала как фурия, а мы медленно напивались.

Потом по «Европе плюс» запел, очень не кстати, Газманов, «Господа офицеры», и Мария зарыдала. Ее красивое лицо дрожало, и даже стакан с валерианой, протянутый Масяней, почти весь расплескался ей на юбку — так тряслись у нее руки.

Мы знали, что есть лишь один способ успокоить Лену, и кинули жребий среди мужиков. Выбор пал на Витьку, а Женька при этом в шутку перекрестился. Витька, напротив, не возражал, он сгреб Ленку в охапку, перенес на диван и принялся раздевать. Через минуту их голые тела слились в экстазе на радость всем нам.

Мы смотрели, как они трахались, словно смотрели порно, и, как только Ленка принялась всхлипывать, выгнувшись полумесяцем над Витькой, беспокойная Масяня бросилась к ней и осыпала ее лицо и грудь поцелуями. От такого напора любви Ленка кончила, разрывавшись как маленький ребенок. Масяня выждала момент, когда Мария, успокоенная и обалдевшая, отвалилась на сторону, и тут же заняла ее место, оседлав Витьку полными оливкового цвета ляжками. Витька взревел, будто его переключили на повышенную передачу, и пустился вскачь. От такой картины разобрало остальных. Пьяно смеясь, мы не сговариваясь повалились на ковер. Несколько раз я переводила пылающий от возбуждения взор со своих ног на Генкино орудие. «Интересно, сможет ли оно необычно огромным штвом поместиться в моей узенькой щелочке?» подумала я. Потом, решившись, вскочила на колени, переступив через шевелящуюся массу тел, придвинула свою промежность к желанному оружию.

Когда первый пыл угас, нам стало неудобно, и мы переместились поминать друга на кухню.

После третьей бутылки Машенька принялась ласкать к Витьку, лезть к нему в трусы, а потом они заняли самое удобное место на середине ковра. Вслед за ними пристроились Мария с Женькой и Юркой.

Жизнь продолжается!